

CULTURAL-ECONOMIC TRANSFORMATION THE TRANSITION FROM THE NEOLITHIC
TO THE ENEOLITHIC PERIOD IN THE LOWER VOLGA REGION

© 2014

I. N. Naumov, Candidate of Historical Sciences, associate professor of Department of History, Culture and Sociology
Volgograd state technical University, Volgograd (Russia)

Annotation: Based on the researches data Neolithic and Eneolithic sites of the lower Volga steppes, the author characterizes the process of cultural-economic transformations at the region in the second half of the V – the beginning of the IV Millennium BC and its main factors (natural-geographic, economic and social).

Keywords: cultural-economic transformation; cattle-horse ranch.

УДК 902.2

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ НЕОЛИТИЗАЦИИ: ВЗГЛЯД С СЕВЕРА

© 2014

K. Нордквист, аспирант кафедры археологии
Университет г. Оулу, Оулу (Финляндия)

Аннотация: В настоящей статье рассматривается неолитизация и ее длительность в Северо-Восточной Европе, которая традиционно считается периферийной – и, собственно, не действительно неолитической. На основе анализа нескольких явлений (керамической посуды, земледелия, оседлого образа жизни, массового производства и торговли) предполагается, что привычный европоцентричный подход в исследовании и определении неолита не адекватен, так как неолит и неолитизация обладают высокой вариабельностью в Евразии и во всём мире. Неолитизация включала не только экономические или технологические изменения, но и значительные изменения в мировоззрении. Неолитизация на севере была медленным процессом, занявшим тысячи лет от конца VI тыс. до н.э. до середины III тыс. до н.э. Наконец, северный неолит имел не только южное (в конечном итоге ближневосточное) происхождение, но гораздо более глубокие корни на востоке, чем считалось ранее.

Ключевые слова: неолит; неолитизация; Северо-Восточная Европа; материальная культура; керамическая посуда; земледелие; массовое производство.

Введение

Комбинация керамической посуды и земледелия неотделима от концепции европейского неолита. Эти символы эпохи, как считается, распространились с Ближнего Востока в направлении Юго-восточной Европы и далее сквозь значительные территории центральной и западной частей Европы континентальной. Переход к неолитическому образу жизни представляется исследователям либо в виде миграции групп земледельцев, либо в виде культурной диффузии [см. 1; 2 в качестве обзорной литературы]. Тем не менее, за пределами ядра неолитической, т.е. земледельческой, зоны, в периферийных и приграничных регионах (если смотреть со стороны Центральной Европы), развитие шло по другому пути и, очевидно, иным образом.

Северная Европа, иначе говоря, зона европейских хвойных лесов, которая рассматривается в настоящей статье, традиционно описывается как область, заселённая охотниками и собирателями, воспринявшими керамическое производство удивительно рано, однако в целом сохранившими мезолитический образ жизни [3; 4; 5]. Земледелие распространилось среди этих групп в самом конце неолита (или в энеолите, согласно российской периодизации), хотя и эта датировка остаётся под вопросом [3; 6; 7; 8]. В связи с этим керамика всегда была определяющей чертой северного неолита, и в этом отношении данное определение ближе к тому, которое используется в России, чем к европейскому варианту, в котором главным элементом является земледелие. Север в западной традиции всегда воспринимался как несамостоятельный регион, периферия, на которую транслировался только ограниченный объём неолитического влияния с юга. Разница очень хорошо заметна и воспринималась исследователями как явный разрыв в традиции между южными земледельцами и северными собирателями. Северный неолит стало принято изображать как «незавершённый» неолит, «недонеолит» в сравнении с «настоящим» центрально-европейским неолитом – и, как следствие, специальные слова и приставки, имеющие целью подчеркнуть это различие, вошли в терминологию [5; 9; 10; дискуссию о проблемах терминологии см. в 11].

В недавних публикациях стали проскальзывать утверждения, что использование оговорки вроде «суб-» или «лесной» неолит неоправданно, поскольку развитие всех составляющих неолитизации происходило также и на севере [12; 13; 14]. Эта позиция основывается на новых исследованиях, которые позволили распознать больше неолитических черт в Северо-восточной Европе, чем считалось ранее [12; 15; 16; 17; 18], а также на новых веяниях в понимании неолитизации, подчёркивающих, что она включала не только экономические или технологические изменения, но более всеобъемлющие изменения в мировоззрении [14; 19; 20]. Также фундаментальное значение имеют наблюдения, показывающие высокую вариабельность и неолита, и неолитизации в Евразии и во всём мире. Европоцентрические исследования предыдущего столетия существенно искажали понимание этого явления, объявив центрально-европейский неолит стандартом всего неолита и неолитизации. Между тем, в более широкой перспективе, этот неолит (точнее, неолит культуры линейно-ленточной керамики) сам является аномалией и в действительности сильно отличается по многим аспектам от неолитизации других частей мира.

Одной из особенностей центрально-европейского неолита является его внезапное, революционное возникновение. В предлагаемой работе будет представлена иная картина неолита. Целью является демонстрация длительности, особенностей продвижения и природы неолитизации в Северной Европе на основе анализа нескольких явлений, которые представляют особенно важными для характеристики неолита, а именно керамической посуды, земледелия, оседлого образа жизни, массового производства и торговли. Анализ данных явлений проводится на материалах из Финляндии, Эстонии и Северо-западной России (Рис. 1), однако обсуждение, в целом, касается гораздо более широкой территории.

Анализ ключевых явлений

Керамическая посуда

Самая ранняя керамика на севере получила название ранней гребенчатой/сперрингс и сяррайсьнеми 1 в Карелии и Финляндии; в регионах к югу от Финского

залива иная традиция представлена нарвской керамикой. Керамическая посуда была воспринята в северной Латвии и юго-восточной части Эстонии ок. 5500 кал. лет до н.э. [21; 22]. Керамика приблизительно этого же возраста известна на южном побережье Онежского озера [23; 24]. В течение столетия или двух керамическая технология распространилась из (через) южной Эстонии и южной Карелии далее на запад и север: основываясь на имеющихся данных, мы можем сказать, что керамическое производство было воспринято на большей части Северо-восточной Европы между 5300 – 5100 кал. лет до н.э. [22; 25; 26]. Другими словами, распространение керамики по всей рассматриваемой территории выглядит весьма быстрым. Это, безусловно, не означает, что керамическая технология везде была воспринята сходным образом – вполне возможно, что некоторые группы были настроены негативно по отношению к этому явлению, однако имеющиеся данные не позволяют сделать настолько точные наблюдения и распознать такие группы.

Происхождение керамической технологии традиционно связывается с востоком или югом и, в конечном итоге, с ближневосточной традицией [4; 27; 28; 29; 30], хотя в недавних исследованиях высказывалось предположение и о том, что вероятным источником могла быть и Восточная Евразия [31; 32; 33; см. также 34; 35]. Распространение керамической технологии на север ранее объяснялось чисто функциональными причинами и экзогамией [5; 29; 30; 31]. Совсем недавно керамическая посуда стала восприниматься как одна из составляющих более глобальной трансформации образа жизни [36; 37]. Трансформации путей и способов восприятия окружающей среды и использования ресурсов минерального мира, которые несла с собой неолитизация, очень хорошо проявлены в местных инновационных экспериментах с различными отошителями, формами и текстурами, которые особенно броско обозначились при возникновении ранней асбестовой посуды в середине 5 тыс. до н.э. Тем не менее керамика не была одинаково воспринята повсюду: её использование прервалось в северной части исследуемой территории в течение 5 тыс. до н.э. и было возобновлено только спустя два тысячелетия [см. 7; 30]. Способы использования и производства керамической посуды изменялись в течение неолита и в других регионах, и различия между регионами и периодами могли быть очень значительными. После того, как керамика была воспринята, по всей видимости, она оставалась в употреблении без перерывов до бронзового века, хотя особенности развития в позднем 3-ем тыс. до н.э. во многих районах недостаточно известны.

Земледелие

Отсутствие земледелия являлось главным аргументом в пользу того, что на севере не было «настоящего» неолита. В более ранних исследованиях первые признаки возможного земледелия связывали с культурой шнуровой керамики в 3-ем тыс. до н.э. [3; 30; 31], хотя и эти свидетельства в Финляндии оставались дискуссионными [6; 8]. Более явные признаки земледелия отмечены для бронзового века и раннего железного века [38; 39], однако полный переход к экстенсивному лесопольному или подсечно-огневному земледелию может быть датирован только поздним этапом железного века, или ранним средневековьем (первая половина второго тыс. н.э.), или даже позже [17; 40; 41; 42; 43].

Современные споро-пыльцевые анализы высокого разрешения передвинули датировку проникновения земледелия на гораздо более раннее время – недавно были предложены датировки, начинающиеся уже с 5200 кал. лет до н.э.. Наиболее ранними злаками, определёнными среди образцов пыльцы, являются ячмень (*Hordeum t.*) и пшеница (*Triticum t.*), а также гречиха (*Fagopyrum esculentum*). Последняя наиболее интересна, поскольку она свидетельствует, что раннее земледелие здесь может иметь восточное, а не только южное

происхождение [17; 44]. Индикаторы наличия земледелия, датирующиеся поздним 6-ым и 5-ым тыс. до н.э., очень редки, но становятся более многочисленными, особенно около и после 4000 кал. лет до н.э. [17; 44; 45; 46; 47]. Эти новые данные были поставлены под сомнение [48; 49; 50], частично в связи с тем, что прямые свидетельства очень скудны: к ним относятся только единичные зёрна пыльцы. Тем не менее, эти единичные зёрна пыльцы сопровождаются многочисленными изменениями в окружающей среде, которые также были или могли быть связаны с деятельностью человека (длительные периоды обезлесения, активизация использования огня, усиление почвенной эрозии, изменения в характере растительности), поддерживающими предложенную интерпретацию, и поэтому эти единичные зёрна не стоит недооценивать. Идея наличия земледелия, конечно, не может сочетаться с со старыми идеями о «простом» субнеолите, и это понятное основание для того, чтобы отвергать все новые результаты. И всё же, начиная, по крайней мере, со времени ок. 4000 кал. лет до н.э. и дальше, частота встречаемости пыльцы культурных злаков становится слишком большой, чтобы быть объяснённой только ошибкой в распознавании или загрязнением образцов.

Свидетельства раннего земледелия, предоставляемые спорово-пыльцевым анализом, были обнаружены преимущественно в Эстонии и в некоторых местах в Северной Остроботнии, юго-восточной Финляндии и северо-западной России. Поскольку эта отрасль исследований всё ещё находится на ранней стадии развития, имеющиеся фрагментарные данные не позволяют проследить пути или последовательности распространения этого явления. Однако представляется очевидным, что когда мы говорим о раннем земледелии на севере, не следует делать прямолинейное отождествление между культивацией и собственно развитым («крестьянским») земледелием, обеспечивающим пищевые ресурсы для пропитания семьи. Как раз наоборот: культивация культурных злаков не практиковалась повсеместно и всеми коллективами, но была спорадической и, может быть, практиковалась только время от времени, и причины для её восприятия, скорее всего, лежали в сфере культуры, символики, идеологии и т.п. [44; см. также 31; 51; 52]. Жизнеобеспечение базировалось на охоте, рыболовстве и собирательстве в течение всего неолита и гораздо позже [7; 21; 53].

По сравнению с земледелием, животноводство выглядит более поздним нововведением. Самое раннее свидетельство из Эстонии датируется 3-им тыс. до н.э. [46; 54], и только в пределах бронзового и железного века в более северных регионах [55; 56; но см. 57]. Тем не менее, такая ситуация может быть связана и с тем, что исследования находятся на самой ранней стадии, а также с исключительно неблагоприятными условиями для сохранения органики в обсуждаемой зоне.

Поселения

Оседлость считается одним из ключевых элементов и признаков неолита. В этой сфере также можно констатировать, что недавние исследования изменили господствующие представления о неолите севера. Изучение структуры поселений в разных регионах показало, что оседлость, несомненно, увеличивается с началом 4-го тыс. до н.э. [12; 16; 58]. Это означает, что одновременно существовавшие жилища концентрировались в более крупных (по сравнению с предшествующим периодом), напоминающих небольшие деревни скоплениях, и, по крайней мере, часть коллектива проживала в этих жилищах в течение большей части года. Однако даже если система расселения иногда описывается как полностью оседлая, это ещё не означает возникновения перманентных и стабильных центров постоянного обитания.

Изменения также включают возникновение более долговременных и надёжных жилых построек, прежде всего, полужемлянок. Некоторое количество полужемлянок известно уже с мезолита, особенно в Карелии и

северной Скандинавии; в раннем неолите они встречаются исключительно редко [12; 58; 59; 60]. Ок. 4000 лет до н.э. их количество начинает стремительно расти. Совершенствование жилищ в некоторых районах привело к появлению более крупных, базирующихся на срубной конструкции, с фронтоной крышей построек и даже секционных домов, состоящих из нескольких соединённых полуземлянок, в конце 4-го и начале 3-его тыс. до н.э. Количество полуземлянок резко уменьшается после 3-его тыс. до н.э., известны всего несколько примеров [12; 58; 59; 61].

Время, в течение которого существовали наиболее крупные полуземлянки, очень сильно разнится в зависимости от региона [12]. Большинство полуземляночных жилищ и наиболее крупные поселения известны в районе Онежского озера в Карелии, окрестностей озера Сайма во внутренних районах Финляндии и вдоль побережья Остроботнии, хотя следует отметить, что эти области являлись главным объектом полевых исследований и характеризуются очень благоприятными условиями для сохранности таких конструкций. В других местах, особенно вдоль основной части финского морского побережья или в Эстонии, имели место различные способы организации жизни и строительства жилых сооружений, однако и в них население концентрировалось в поселенческих центрах, которые могут считаться поселениями, по крайней мере, полусоседных коллективов [21; 62; 63].

Наконец, следует сказать о «церквях гигантов» в Остроботнии. Это наиболее крупные сооружения, известные на севере (размером вплоть до 70x40 м) [31; 64], обычно представляющие собой прямоугольные постройки с каменными стенами, имеющие боковые выходы; вблизи обычно находятся округлые каменные сложения. Эти сооружения интерпретируются как жилые, промысловые (охотничьи), военные или ритуальные, высказывались даже мнения об их связи с древними астрономическими знаниями [12; 64; 65; 66; 67]. Их возведение и использование очень сложно датировать, однако наиболее вероятным временем можно считать конец 4-го тыс. до н.э. – начало 3-его тыс. до н.э. [31; 64]. Церкви гигантов интересны в связи с тем, что они вводят аспект монументальности – черты, нередко связываемой с неолитом, но, за исключением некоторых монументального размера полуземлянок [64; 68], отсутствующей на севере.

Массовое производство и торговля

Основными чертами, свидетельствующими об изменении, проходящих в обществе в ходе неолитизации, являются усложнение в сфере разделения труда, т.е. наличие свидетельств (сезонной) специализации и изменения в функционировании сетей контактов и обмена (экзотическими предметами) [16; 31; 69; 70]. Северная лесная зона, конечно, была пересечена различными сетями вдоль и поперёк, начиная с мезолита, и по ним распространялись сырьё, идеи и люди [71; 72]. Именно по этим сетям проникали первые идеи, связанные с неолитизацией. Сходство, заметное в первую очередь в керамической посуде, свидетельствует, что данные связи поддерживались в течение всего 5 тыс. до н.э. Существенная перестройка сетей, переориентация и интенсификация связей произошла ок. 4000 кал. лет до н.э. Это время отмечено возникновением феномена гребенчато-ямочной керамики, для которого характерно наличие самых разных общих черт в археологических комплексах на огромной территории между Балтийским морем и Уралом. В обсуждаемой в данной статье зоне, особенно в Финляндии, основным явлением, связанным с этой фазой, является импорт кремня, иногда даже определяемый как «торговля кремнем» [7; 73; 74] (заметим, что природный кремень отсутствует на севере).

Видимое единство гребенчато-ямочной керамики вскоре распалось и послужило основой для образования или возрождения локальных традиций. Новая фрагментация археологического материала не означала, тем не менее, разрыв контактов и сетей обмена, которые ак-

тивно функционировали между волосовской культурой в Центральной России и синхронными ей группами с поздней гребенчатой и асбестовой/пористой керамикой в Северной Европе. Главная черта, характеризующая этот период, – чрезвычайно активный обмен янтарём из Восточной Прибалтики, распространявшимся на север и на восток [75; 76; 77; 78]. Появление групп со шнуровой керамикой, вероятно, оказало какое-то влияние на обменные сети, однако обмен продолжился и в 3-ем тыс. до н.э.

Индустрия янтарных украшений, пожалуй, является первым явлением, которое позволяет говорить о существовании «массового» производства в Северо-восточной Европе: центры по изготовлению таких изделий со сконцентрированными в них мастерскими были найдены в Латвии и Литве [79; 80; 81]. Восточно-карельские [82] или русско-карельские [83] орудия из метатуга являются северным аналогом такого вида производства. Эти артефакты происходят из небольшого района на западном побережье Онежского озера, где были найдены специализированные мастерские. Производство осуществлялось в грандиозных объёмах, по всей видимости, мастерами-специалистами, и готовые или наполовину готовые изделия транспортировались на значительные расстояния, вплоть до Восточной Прибалтики и Центральной России [70; 84; 85].

Среди примеров производственных центров, встречающихся в литературе, имеются упоминания об индустриях боевых топоров и даже шнуровой керамики в Финляндии [7; 86], однако в данном случае мы скорее имеем дело с предположениями, чем с проверенными фактами. Конечно, предположение о том, что менее масштабная специализация могла существовать в области производства менее прочных, неразличимых археологически предметов, не является невероятным. Вместе с тем, все предыдущие примеры явно связаны с особыми видами природного сырья, встречающимися только на ограниченной территории – и редкость этих месторождений с вытекающей из него возможностью контроля над ними, вероятнее всего, сделала такую специализацию возможной. «Массовое» производство, следовательно, является в какой-то мере ограниченным явлением, не различимым повсеместно. Оно, несомненно, возникло на позднем этапе неолита, т.е. в конце 4-го – начале 3-его тыс. до н.э.

Дискуссия

Неолитизация на севере, очевидно, была медленным процессом, занявшим тысячи лет. Она также не была прямолинейной и в ходе распространения в пространстве и во времени продемонстрировала значительную вариативность. Начало неолитизации в Северо-восточной Европе может быть помещено в конец 6-го тыс. до н.э., когда появляется керамическая посуда, первые свидетельства земледелия и некоторые другие особенности, например, наскальное искусство [15; см. также 87] (Рис. 2). Многие из первичных изменений, несомненно, не были слишком значительными, однако, они являлись частью гораздо более грандиозных и долговременных процессов, разворачивавшихся в северной Евразии, включавших, среди прочего, распространение керамики и некоторых культурных растений с востока на запад [32; 36; 88; 89; 90]. Другими словами, северный неолит имел гораздо более глубокие корни на востоке, чем считалось ранее.

Первое тысячелетие неолита характеризовалось очень низким темпом и масштабом развития. Следует отметить, что такое впечатление может быть отчасти связано и с недостаточным уровнем исследования раннего неолита – возможность активного локального развития отчётливо продемонстрирована, например, возникновением ранней асбестовой керамики. Поступь неолитизации, по всей видимости, убыстряется ок. 4000 кал. лет до н.э., и эта дата, если основываться на данных, имеющихся в настоящий момент, представляется как некий поворотный момент. Механизм, вызвавший

подобный поворот, до настоящего момента не очень понятен, но очевидно, что он связан с трансформациями, затронувшими не только северную лесную зону (возникновение феномена гребенчато-ямочной керамики), но и значительную часть Европы (т.е. появление культуры воронковидных кубков). 4-е и первая половина 3-го тыс. до н.э. относятся к наиболее интенсивной фазе неолитизации, которая проявилась, например, в новых способах организации поселений и интенсивного земледелия, а также в нестандартных способах использования минерального сырья, о чём свидетельствуют начало эксплуатации местной самородной меди [18; 91] и появление какой-то формы «массового» производства.

Неолитические черты прослеживаются до середины 3-го тыс. до н.э., однако в дальнейшем картина размывается. Многие культурные и социальные явления, заметные в археологических источниках, начиная с позднего 6-го тыс. до н.э., и затем с раннего 4-го тыс. до н.э. и далее, исчезают. Не совсем ясно, связано ли это с общим коллапсом культурной и социальной сложности или с каким-то другим разрывом в образе жизни, но разворот какого-то рода определённо имел место. Может даже возникнуть соблазн утверждать, что процесс неолитизации завершился, но вопрос не настолько прост. В Финляндии данное изменение было объяснено уменьшением популяции [92; 93; 94]. Однако есть и другое, настолько же вероятное объяснение, которое заключается в том, что изменения в системе расселения и материальной культуре сделали обнаружение поселений этого времени современными археологами гораздо более сложным. Следует добавить, что пыльцевые анализы свидетельствуют о непрекращающемся использовании ландшафта и даже увеличении масштабов культивации во многих районах [17; 43].

Центральный вопрос в дискуссии о северном неолите заключается в том, как мы, собственно, определяем неолит. Как сказано во Введении, традиционный способ определения этого явления как возникновение земледелия не учитывает всю вариативность, богатство и глубину неолитизации. Монотетичные определения слишком упрощают картину картографии распространения керамики или пыльца культурных злаков, например, представляют собой только лишь картографирование распространения керамической технологии или ряда культурных растений, но не неолитического образа жизни как такового. □ Политетичные определения более функциональны, поскольку они допускают вариативность: неолитизация, в конце концов, это всеохватывающее изменение всех сфер человеческой жизни, которое приносило самые различные формы в различных регионах.

Доминирование европоцентрического подхода в исследовании неолита привело к серьёзным искажениям, не позволило распознать вариативность и недооценило такие вещи, как возможность сравнения различных явлений между собой, их масштаб и значение в различных регионах. Публикации о северном неолите традиционно включают имплицитные оценочные суждения о наблюдаемых явлениях, т.е. соображения относительно того, что именно и в каком объёме требуется от той или иной группы людей, чтобы считаться действительно неолитической. Они обычно принижают значение северных находок, считая их недостаточными и неадекватными. Дискуссия относительно раннего земледелия на севере является одним из показательных примеров. Критические суждения относительно свидетельств раннего земледелия частично базируются на сомнениях в надёжности единичных находок, но, в значительной степени, также происходят из предубеждений, глубоко укоренённых в центрально-европейском подходе к проблеме. Согласно этому подходу, общества могут быть охарактеризованы либо как охотничье-собираческие, либо как земледельческие: охотники и собиратели просто не занимаются культивацией растений, в то время как те группы, которые ей занимаются, делают это по-

стоянно и с целью жизнеобеспечения. Конечно, если мы следуем такой модели, надо признать, что раннее земледелие на севере не соответствует стандарту, и, следовательно, это не земледелие. Если свидетельства раннего земледелия (спорадические до настоящего момента) сопоставляются с другими, может быть, не имеющими прямого отношения к вопросу, но всё-таки несомненными признаками более глобальных и синхронных культурных изменений, они вполне встраиваются в некий общий контекст [см. 14]. Вместо того, чтобы выискивать свидетельства крупномасштабного земледелия, нам необходимо осознать, что ранняя культивация растений на севере, скорее всего, была воспринята не в качестве основы жизнеобеспечения, а по какому-то другим причинам, была незначительной по объёму и не повлияла на основные стороны жизни. Но делает ли это её менее реальной или менее неолитической?

Рассмотрение вопроса о земледелии как основе жизнеобеспечения также демонстрирует нам, насколько ошибочными являются широкие обобщения, привычно (и неосознанно) проецирующие западные ценности и картину мира, базирующиеся на наследии Просвещения, на интерпретации прошлого. Абсолютно ошибочно считать, что земледелие имело такое же значение для неолитических земледельцев, какое оно имеет для исследователей в 21-ом веке – или для членов культурно-антропологических и этнографических обществ 19-го и 20-го веков. Ещё один хороший пример современных проекций на прошлое – технологические и функциональные основания, предложенные для объяснения начального освоения металла (меди) на анализируемой территории в неолите [95; 96]. В действительности, использование меди на начальном этапе, скорее всего, имело своей целью не изготовление орудий, превосходящих по своим качествам аналоги из камня, кости, рога или дерева, а что-то совершенно другое [18; см. также 97; 98].

В целом, традиционные идеи, объясняющие неолитизацию, могут быть охарактеризованы как телеологические, пропагандирующие линейное развитие и прогрессивное движение к «цивилизации». Дискуссия, вплоть до настоящего времени, имела явную эволюционистскую направленность и исходила из априорного убеждения, что неолитические элементы были всегда и везде желанны и воспринимались без возражений. Тем не менее, исследователями было продемонстрировано, что в некоторых регионах распространение неолита приостанавливалось, и неолитические и мезолитические общества сосуществовали в течение долгого времени [99; 100; 101]. Пример северного неолита также хорошо показывает, что происходившее развитие не может быть описано как прямолинейная, простая трансформация собирателя и охотника в крестьянина. Не была неолитизация и чем-то вроде революционного события, а являлась длительным процессом «обучения на ошибках», растянувшимся на два-три тысячелетия, в ходе которого потребность и готовность местных сообществ к восприятию новых способов организации своей жизнедеятельности и новой картины мира, которую эти способы несли с собой, имели критическое значение. Общество и мир, которые образовались в результате этого процесса, сильно отличались от тех, что существовали в конце 6-го тыс. до н.э. – но остаётся вопрос, как и почему это развитие прекратилось.

Переведено с английского языка А.Ю. Тарасовым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Barker G. The agricultural revolution in prehistory: why did foragers become farmers? Oxford: Oxford University Press, 2006. 598 с.
2. Pluciennik M. Hunter-gatherers to farmers? // Prehistoric Europe: Theory and practice. Blackwell Studies in Global Archaeology 12 / Ред. А. Jones. Chichester: Wiley-Blackwell, 2008. С. 16-34.

3. Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E. Eesti esiajalugu. Tallinn: Eesti Raamat, 1982. 460 с.
4. Витенкова И.Ф. Культура сперрингс // Археология Карелии / Ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочуркина. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1996. С. 65-81.
5. Pesonen P., Leskinen S. Pottery of the Stone Age hunter-gatherers in Finland // *Ceramics before farming: The dispersal of pottery among prehistoric Eurasian hunter-gatherers* / Ред. P. Jordan, M. Zvelebil. Walnut Creek: Left Coast Press, 2011. С. 299-318.
6. Edgren T. On the economy and subsistence of the battle axe culture in Finland // *Fenno-ugri et slavi 1983: Trade, exchange and cultural relations of the peoples of Fennoscandia and eastern Europe. Iskos 4* / Ред. Т. Edgren. Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 1984. С. 9-15.
7. Edgren T. Den förhistoriska tiden // *Finlands historia I* / Ред. М. Norrbäck. Esbo: Schildts, 1992. С. 9-270.
8. Meinander C.F. Om introduktionen av sädesodling i Finland // *Finskt Museum*. 1984. № 90. С. 5-20.
9. Gimbutas M. The prehistory of eastern Europe 1: Mesolithic, Neolithic and Copper Age cultures in Russia and the Baltic area. American School of Prehistoric Research / Peabody Museum, Harvard University / Bulletin № 20. Cambridge: Peabody Museum. 241 с.
10. Meinander C.F. De subneolitiska kulturgrupperna i norra Europa // *Societas Scientiarum Fennica Vuosikirja – Årsbok*. 1961. № 39 B 4. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica. С. 1-23.
11. Werbart, B. Subneolithic: What is it? – Subneolithic societies and the conservative economies of the Circum-Baltic region // *Harvesting the sea, farming the forest: The emergence of Neolithic societies in the Baltic region* / Ред. М. Zvelebil, L. Domańska, R. Denell. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1998. С. 37-44.
12. Mökkönen T. Studies on Stone Age housepits in Fennoscandia (4000-2000 cal BC): Changes in ground plan, site location and degree of sedentism. Helsinki: Teemu Mökkönen, 2011. 86 с.
13. Nordqvist K., Kriiska A. Towards Neolithization; Mesolithic–Neolithic transition in the central area of the eastern part of the Baltic Sea // *Contact and Transition – From late hunter-gatherers to early farmers in coastal and inland environments*. Greifswald, 2014. Рукопись в печати.
14. Herva V.-P., Nordqvist K., Ikäheimo J., Lahelma A. Material engagements, cultivation of perception and the emergence of the Neolithic world // *Norwegian Archaeological Review*. Рукопись в печати.
15. Lahelma A. A Touch of Red: Archaeological and Ethnographic Approaches to Interpreting Finnish Rock Paintings. Iskos 15. Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 2008. 279 с.
16. Costopoulos A., Vaneekhout S., Okkonen J., Hulse E., PaberzYTE I., Wren C.D. Social complexity in the Mid-Holocene Northeastern Bothnian Gulf // *European Journal of Archaeology*. 2012. Вып. 15 № 1. С. 41-60.
17. Alenius T., Mökkönen T., Lahelma A. Early farming in the northern boreal zone: Reassessing the history of land use in southeastern Finland through high-resolution pollen analysis // *Geoarchaeology*. 2013. Вып. 28 № 1. С. 1-24.
18. Nordqvist K., Herva V. Copper use, cultural change and Neolithization in north-eastern Europe (c. 5500-1800 BC) // *European Journal of Archaeology*. 2013. Вып. 16 № 3. С. 401-432.
19. Tilley C. The Neolithic sensory revolution: monumentality and the experience of landscape // *Going over: The Mesolithic–Neolithic transition in north-west Europe* / Ред. А. Whittle, V. Cummings. Oxford: Oxford University Press, 2007. С. 329-345.
20. Watkins T. New light on Neolithic revolution in south-west Asia // *Antiquity*. 2010. Вып. 84. № 325. С. 621-634.
21. Kriiska A., Tvauri A. Eesti Mainasaeg. Tallinn: Avita, 2002. 259 с.
22. Piezonka H. Neue AMS-Daten zur frühneolithischen Keramikentwicklung in der nordosteuropäischen Waldzone // *Estonian Journal of Archaeology*. 2008. Вып. 12. № 2. С. 67-113.
23. Иванищева М.В., Иванищев А.М. Хронология памятников раннего металла Южного Прионежья // *Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии* / Ред. В.И. Тимофеев, Зайцева Г.И. СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 60-69.
24. German K. Early hunter-gatherer ceramics in Karelia // *Ceramics before farming: The dispersal of pottery among prehistoric Eurasian hunter-gatherers* / Ред. P. Jordan, M. Zvelebil. Walnut Creek: Left Coast Press, 2011. С. 255-280.
25. Pesonen P., Oinonen M., Carpelan C., Onkamo P. Early subneolithic ceramic sequences in eastern Fennoscandia – a Bayesian approach // *Radiocarbon*. 2012. Вып. 5. № 3-4. С. 661-676.
26. Rosentau A., Muru M., Kriiska A., Subetto D., Vassiljev J., Hang T., Gerasimov D., Nordqvist K., Ludikova A., Lõugas L., Raig H., Kihno K., Aunap R., Letyka N. Stone Age settlement and Holocene shore displacement in the Narva-Luga Klint Bay area, eastern Gulf of Finland // *Boreas*. 2013. Вып. 42. № 4. С. 912-931.
27. Äyräpää A. Den yngre stenålderns kronologi i Finland i Sverige // *Finskt Museum*. 1955. № 62. С. 5-47.
28. Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. 2, Неолит. Л.: Наука, 1978. 135 с.
29. Núñez M. On Subneolithic pottery and its adoption in Late Mesolithic Finland // *Fennoscandia archaeologica*. 1990. № VII. С. 27-52.
30. Carpelan C. Käännekohtia Suomen esihistoriassa aikavälillä 5100-1000 eKr. // *Pohjan poluilla: Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk 153* / Ред. P. Fågelberg. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1999. С. 249-280.
31. Núñez M. All quiet on the eastern front? // *Coast to coast: Arrival. Coast to Coast Books 10* / Ред. Н. Knutsson. Uppsala: Coast to Coast Project, 2004. С. 345-367.
32. Gronenborn D. Transregional culture contacts and the Neolithization process in northern central Europe. // *Ceramics before farming: The dispersal of pottery among prehistoric Eurasian hunter-gatherers* / Ред. P. Jordan, M. Zvelebil. Walnut Creek: Left Coast Press, 2011. С. 527-550.
33. Hartz S., Kostyleva E., Piezonka H., Terberger T., Tsydenova N., Zhilin M.G. Hunter-gatherer pottery and charred residue dating: new results on early ceramics in the north Eurasian forest zone // *Radiocarbon*. 2012. Вып. 54. № 3-4. С. 1033-1048.
34. Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В. Древнейшая глиняная посуда Восточной Европы: технология, морфология и орнаментация (по материалам 23-14 слоев поселения Ракушечный Яр) // *Краткие сообщения Института археологии РАН*. 2012. № 227. С. 286-295.
35. Vybornov A., Vasilyeva I. Interdisciplinary research of the Neolithic Volga-Kama pottery // *Documenta Praehistorica*. 2013. № XL. С. 165-173.
36. Jordan P., Zvelebil M. Ex oriente lux: the prehistory of hunter-gatherer ceramic dispersals // *Ceramics before farming: The dispersal of pottery among prehistoric Eurasian hunter-gatherers* / Ред. P. Jordan, M. Zvelebil. Walnut Creek: Left Coast Press, 2011. С. 33-89.
37. Herva V.-P., Nordqvist K. Savi ja saven käyttö neoliittisessa maailmassa: tekemisen ja kokemisen näkökulma // *Stones, bones and thoughts: Festschrift in honour of Milton Núñez* / Ред. S. Niimäki, A.-K. Salmi, J.-M. Kuusela, J. Okkonen. Oulu: Milton Núñezin juhla kirjain toimikunta, 2012. С. 36-45.
38. Vuorela I. Viljelytoiminnan alku Suomessa paleoekologisten tutkimusten kohteena // *Pohjan poluilla: Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk 153* / Ред. P. Fågelberg. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1999. С. 143-151.
39. Lang V. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. *Estonian Archaeology 3*. Tartu: Tartu University Press, 2007. 298 с.

40. Taavitsainen J.-P., Simola H., Grönlund E. Cultivation history beyond the periphery: Early agriculture in the north European boreal forest // *Journal of World Prehistory*. 1998. Вып. 12 № 2. С. 199-253.
41. Vuorela I., Saarnisto M., Lempiäinen T., Taavitsainen J.-P. Stone Age to recent land-use history at Pegrema, northern Lake Onega, Russian Karelia // *Vegetation history and archaeobotany*. 2001. № 10. С. 121-138.
42. Лаврова Н.Б., Демидов И.Н., Спиридонов А.М., Герман К.Э., Мельников И.В. К вопросу начале земледелия на севере Онежского озера по палинологическим данным // *Геология и полезные ископаемые Карелии*. 2007. Вып. 10. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. С. 194-206.
43. Alenius T., Lavento M., Saarnisto M. Pollen-analytical results from Lake Katajajärvi – Aspects of the history of settlement in the Finnish inland regions // *Acta Borealia*. 2009. Вып. 26. № 2. С. 136-155.
44. Mökkönen T. Kivikautinen maanviljely Suomessa // *Suomen Museo*. 2010. № 116. С. 5-38.
45. Poska A., Saarse L., Veski S. Reflections of pre- and early-agrarian human impact in the pollen diagrams of Estonia / *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 2004. № 209. С. 37-50.
46. Kriiska A. The beginning of farming in the Eastern Baltic // *The East European Plain on the Eve of Agriculture. BAR International series 1964* / Ред. P.M. Dolukhanov, G.R. Sarson, A. Shukurov. Oxford: Archaeopress, 2009. С. 159-179.
47. Kulkova M.A., Gusentsova T.M., Sapelko T.V., Nesterov E.M., Sorokin P.E., Ludikova A.V., Ryabchuk D.V., Markova M.A. Geoarchaeological investigations on the development of the River Neva delta (Gulf of Finland) during the Holocene // *Journal of Marine Systems*. 2014. № 129. С. 19-34.
48. Simola H. Kivikautista maanviljelyä ei voi todistaa siitepölyanalyysillä: Kommentti Teemu Mökkösen artikkeliin // *Suomen Museo*. 2011. № 117. С. 137-138.
49. Luoto J. Kivikautisesta maanviljelyksestä // *Suomen Museo*. 2012. № 118. С. 106-116.
50. Lahtinen M., Rowley-Conwy P. Early Farming in Finland: Was there Cultivation before the Iron Age (500 BC)? // *European Journal of Archaeology*. 2013. Вып. 16. № 4. С. 660-684.
51. Hastorf C.A. The cultural life of early domestic plant use // *Antiquity*. 1998. Вып. 72. № 278. С. 773-782.
52. Hayden B., Canuel N., Shanse J. What was brewing in the Natufian? An archaeological Assessment of brewing technology in the Epipaleolithic // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2013. Вып. 20. № 1. С. 102-150.
53. Витенкова И.Ф. Хозяйство и искусство каменного века – раннего металла // *Археология Карелии* / Ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочкуркина. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1996. С. 174-184.
54. Lõugas L., Kriiska A., Maldre R. New dates for the Late Neolithic Corded Ware culture burials and early husbandry in the East Baltic region // *Archaeofauna*. 2007. № 16. С. 21-31.
55. Mannermaa K., Deckwirth V. Suomen varhaisin karjatalous: tutkimuksen nykytila ja ongelmat // *Varhainen viljely Suomessa* / Ред. J. Hirvilampi. Loimaa: Maatalousmuseo Sarka, 2010. С. 54-81.
56. Bläuer A., Kantanen J. Transition from hunting to animal husbandry in southern, western and eastern Finland: new dated osteological evidence // *Journal of Archaeological Science*. 2013. Вып. 40 № 4. С. 1646-1666.
57. Cramp L.J., Evershed R.P., Heyd V. 'Extreme farming' and the prehistoric origins of dairying in Finland // *World Archaeological Congress 7: Abstracts*. 2013. <https://conftool.com/wac7/index.php?page=browseSessions&form_session=120>
58. Жульников А.М. Древние жилища Карелии. Петрозаводск: КГКМ, 2003. 199 с.
59. Pesonen P. Semisubterranean houses in Finland – a review // *Huts and Houses: Stone and Early Metal Age Buildings in Finland* / Ред. H. Ranta. Helsinki: National Samarkandian scientific journal. 2014. № 3(8)
60. Norberg E. Boplatsvallen som bostad i Norrbottens kustland 5000 till 2000 före vår tideräkning: En studie av kontinuitet och förändring. *Studia Archaeologica Universitatis Umensis* 23. Umeå: Umeå Universitet, 2008. 224 с.
61. Vaneekhout S. House societies among coastal hunter-gatherers: A case study of Stone Age Ostrobothnia, Finland // *Norwegian Archaeological Review*. 2010. Вып. 43 № 1. С. 12-25.
62. Sartes M. Subneolithic and Neolithic settlement systems in south-west Finland: discussion on resource areas // *Fenno-ugri et slavi 1992: prehistoric means of livelihood. Museoviraston arkeologian osaston julkaisuja 5* / Ред. P. Purhonen. Helsinki: Museovirasto. С. 105-114.
63. Kylli J. Asutussysteemi ja toimeentulo muinaisessa Espoossa ja lähiympäristössä // *Muinaistutkija*. 2001. № 1. С. 2-13.
64. Okkonen J. Jättiläisen hautoja ja hirveitä kiviröykkiöitä: Pohjanmaan muinaisten kivirakennelmien arkeologiaa. *Acta Universitatis Ouluensis Series B Humaniora* 52. Oulu: Oulun yliopisto. 268 с.
65. Koivunen P. Teoria jätinkirkkojen käyttötarkoituksesta // *Muinaistutkija*. 1997. № 4. С. 49-52.
66. Sipilä J., Lahelma A. War as a paradigmatic phenomenon: endemic violence and the Finnish subneolithic // *War and sacrifice: Studies in the archaeology of conflict* / Ред. T. Pollard, I. Banks. Leiden: Brill, 2007. С. 189-209.
67. Okkonen J., Ridderstad M. Jätinkirkkojen aurinkosuuntauksia // *Ei kiveäkään kääntämättä: juhlakirja Pentti Koivuselle* / Ред. J. Ikäheimo, S. Lipponen. Oulu: Pentti Koivusen juhlakirjatoimikunta, 2009. С. 129-135.
68. Mökkönen T. A review of multi-room housepits as seen from the Meskäärty site in Virolahti parish, extreme south-eastern Finland // *Estonian Journal of Archaeology*. 2008. Вып. 12. № 2. С. 114-151.
69. Тарасов А.Ю. Некоторые особенности социально-экономического развития населения Карелии в неолите – раннем железном веке // *Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит–средневековье)* / Ред. С.И. Кочкуркина, М.Г. Косменко. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2006. С. 73-112.
70. Tarasov A., Stafeev S. Estimating the scale of stone axe production: A case study from Onega Lake, Russian Karelia // *Journal of Lithic Studies*. 2014. Вып. 1. № 1. С. 239-261.
71. Hertell, E., Tallavaara, M. High mobility or gift exchange – Early Mesolithic exotic chipped lithics in southern Finland // *Mesolithic interfaces: Variability in lithic technologies in eastern Fennoscandia. Monographs of the Archaeological Society of Finland 1* / Ред. T. Rankama. Helsinki: The Archaeological Society of Finland, 2011. С. 10-41.
72. Jussila T., Kriiska A., Rostedt T. Saarenoja 2 – an Early Mesolithic site in south-eastern Finland: Preliminary results and interpretations of studies conducted in 2000 and 2008-10 // *Fennoscandia archaeologica*. 2012. № XXIX. С. 3-27.
73. Ailio J. Om handeln mellan Finland och andra län under stenåldern // *Rig*. 1920. Вып. 3. № 1-2. С. 1-7.
74. Vuorinen J. Piikivi ja Suomen kampakeraaminen piikauppa. Helsingin yliopiston arkeologian laitos, Moniste 30. Helsinki: Helsingin yliopisto, 1982. 114 с.
75. Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовские погребения с янтарем могильника Сахтыш ИА // *Тверской археологический сборник*. 2000. Вып. 4. Тверь: ТГОМ. С. 175-184.
76. Ots M. Stone Age amber finds in Estonia // *Amber in archaeology* / Ред. C.W. Beck, I.B. Loze, J.M. Todd. Riga: Institute of the History of Latvia, 2003. С. 96-107.
77. Zhulnikov A. Exchange of amber in northern Europe in the III millennium BC as a factor of social interactions // *Estonian Journal of Archaeology*. 2008. Вып. 12 № 1. С. 3-15.
78. Núñez M., Franzén P. Implications of Baltic amber finds in northern Finland 4000-2000 BC // *Archaeologia Lituana*. 2011. № 12. С. 10-24.
79. Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате.

Рига: Зинатне, 1970. 267 с.

80. Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской низины. Рига: Зинатне, 1979. 203 с.

81. Loze I. Late Neolithic amber from the Lubāna wetlands // Prehistoric art in the Baltic region. Acta academiae artium Vilnensis 20 / Ред. А. Butrimas. Vilnius: Vilnius Academy of Fine Arts, 2000. С. 63-78.

82. Ауряпää А. Itä-Karjala kivikautisen asekaupan keskustana // Muinaista ja vanhaa Itä-Karjalaa: tutkielmia Itä-Karjalan esihistorian, kulttuurihistorian ja kansankulttuurin alalta. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1944. С. 55-73.

83. Тарасов А.Ю. Энеолитическая индустрия макроорудий Карелии в ряду европейских индустрий позднего каменного века // Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке. Замятинский сборник. Вып. 1 / Ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: Наука, 2008. С. 190-210.

84. Kriiska A., Tarasov A. Wood-chopping tools of Russian-Karelian type from Estonia // Arheologija Un Etnografija. 2011. № 25. Riga: Latvijas vēstures institūts. С. 57-72.

85. Kriiska A., Tarasov A., Kirs Ju. Wood-chopping tools of Russian-Karelian type from Estonia // Man, his time, artefacts and places: Collection of articles dedicated to Richard Indreko. Muinasaja teadus 19 / Ред. К. Johanson, М. Tõrv. Tartu: Tartu ülikooli ajaloo ja arheoloogia instituut, 2013. С. 317-345.

86. Edgren T. Studier över den snörkeramiska kulturens keramik i Finland. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 72. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1970. 118 с.

87. Жульников А.М. Петроглифы Карелии: образ мира и миры образов. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 222 с.

88. Dolukhanov P.M., Shukurov A., Davison K., Sarson G., Gerasimenko N., Pashkevich G., Vybornov A., Kovalyukh N., Skripkin V., Zaitseva G., Sapelko T. The spread of the Neolithic in the south-east European plain: Radiocarbon chronology, subsistence, and environment // Radiocarbon. 2009. Вып. 51. № 2. 2009. С. 783-793.

89. Jones M., Hunt H., Lightfoot E., Lister D., Liu X., Motuzaitė-Matuzavičiūtė G. Food globalization in prehistory // World Archaeology. 2011. Вып. 43. № 4. С. 665-675.

90. Boivin N., Fuller D.Q., Crowther A. Old World globalization and the Columbian exchange: comparison and contrast // World Archaeology. 2012. Вып. 44. № 3. С. 452-469.

91. Нордквист К., Икяхеймо Я., Херва В.-П., Лалелма А. Медь в каменном веке в Северо-Востоке Европы: Перспективы исследования // Тверской археологический сборник. Вып 9. Тверь: ТГОМ, 2013. С. 143-148.

92. Lavento M. Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus: Nine variations and a fugue on a theme of C.F. Meinander. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 109. Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 2011. 410 с.

93. Tallavaara M., Pesonen P., Oinonen M. Prehistoric population history in eastern Fennoscandia // Journal of Archaeological Science. 2010. Вып. 37. № 2. С. 251-260.

94. Sundell T. The past hidden in our genes: Combining archaeological and genetic methodology: Prehistoric population bottlenecks in Finland. Helsinki: University of Helsinki, 2014. 112 с.

95. Журавлев А.П. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск: КарНЦ АН СССР, 1991. 205 с.

96. Жульников А.М. Энеолит Карелии. Петрозаводск: РАН, 1999. 98 с.

97. Ottaway B.S., Roberts B. 2008. The emergence of metalworking // Prehistoric Europe: Theory and practice. Blackwell Studies in Global Archaeology 12 / Ред. А. Jones. Chichester: Wiley-Blackwell, 2008. С. 193-255.

98. Kienlin T.L. Traditions and transformations: approaches to Eneolithic (Copper Age) and Bronze Age metal working and society in eastern and central Europe and the Carpathian basin. BAR International series 2184. Oxford: Archaeopress. 405 с.

99. Klassen L. Jade und Kupfer: Untersuchungen zum Neolithisierungsprozess im Westlichen Ostseeraum unter besonderer Berücksichtigung der Kulturentwicklung Europas 5500-3500 BC. Jutland Archaeological Society Publications 47. Århus: Jutland Archaeological Society, 2004. 435 с.

100. Hartz S., Lübke H., Terberger T. From fish and seal to sheep and cattle: new research on the process of neolithisation in northern Germany // Going over: The Mesolithic-Neolithic transition in north-west Europe / Ред. А. Whittle, V. Cummings. Oxford: Oxford University Press, 2007. С. 567-594.

101. Nowak M. Neolithisation in Polish territories: Different patterns, different perspectives and Marek Zvalabil's ideas // Interdisciplinaria Archaeologica: Natural Sciences in Archaeology. 2013. Вып. IV. № 1. С. 85-96.

102. Нордквист К. Периодизация Неолита-Бронзового века в Северо-Восточной Европе (Of the periodization of Eneolithic-Bronze Age in north-east Europe) // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы / Ред. В.С. Бочкарев, А.И. Мурашкин. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 188-199.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Карта обсуждаемого региона с районами, упомянутыми в тексте статьи

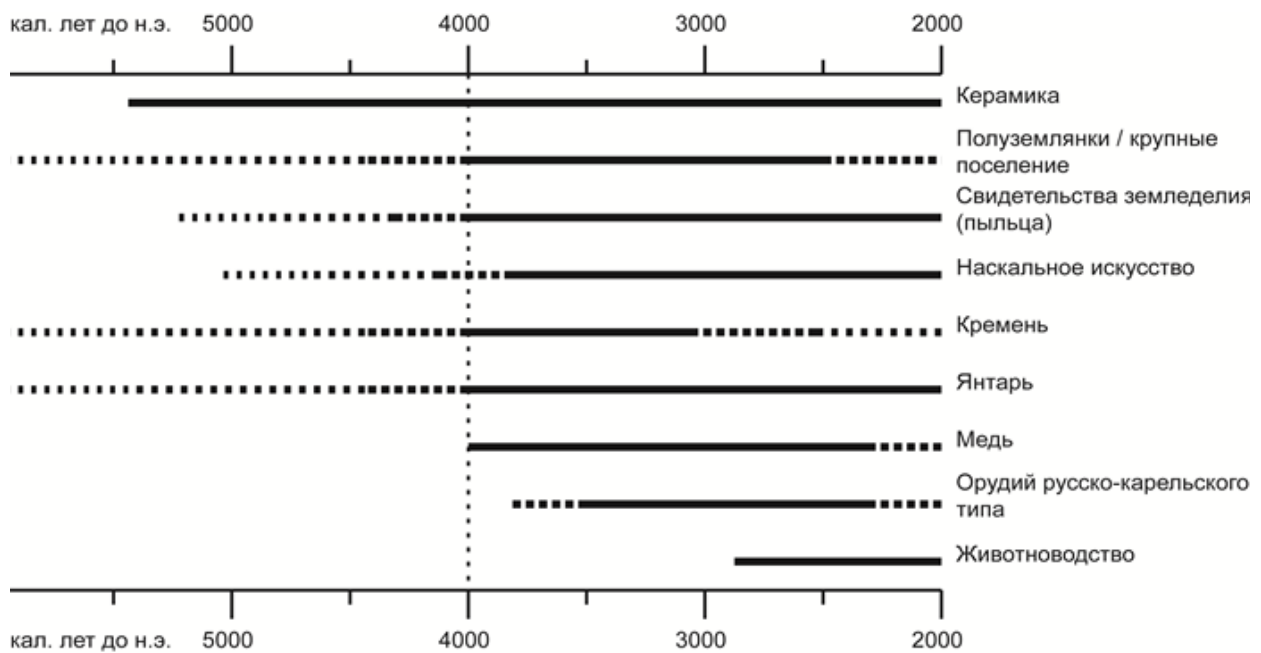

Рис. 2. Упрощённая схема возникновения некоторых неолитических черт и индикаторы неолитизации в северной Европе (взята с исправлениями из Nordqvist, Kriiska, в печати)

DURATION OF THE NEOLITHIZATION: A NORTHERN VIEW

© 2014

K. Nordqvist, postgraduate student of Department of Archaeology
University of Oulu, Oulu (Finland)

Annotation: This paper discusses the Neolithization and its duration in north-east Europe, traditionally seen as peripheral – and not actually Neolithic. It is proposed, through the case studies of pottery, cultivation, settlement and mass production, that conventional, Eurocentric views and definitions of the Neolithic are inadequate – Neolithic and Neolithization are much more diverse and multifaceted phenomena when observed on Eurasian or global scale. Further, Neolithization does not imply simply a technological or economic change but a more pervasive transformation in worldview. Neolithization in north-east Europe was a slow process, which took over two millennia, from the later 6th millennium BC to the mid-3rd millennium BC, or even further. Lastly, contrary to the traditional ideas propagating southern and ultimately Near-eastern origins, Northern Neolithic seems to have deep roots also in the East.

Keywords: Neolithic; Neolithization; north-east Europe; material culture; pottery; cultivation; settlement; mass production.

УДК902

ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ СТОЯНКИ СТАРЫЕ ВОЙКОВИЧИ 1 (ПО ДАННЫМ ТРАСОЛОГИИ)

© 2014

Г.Н.Поплевко, старший научный сотрудник экспериментально-трасологической лаборатории
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (Россия)

Аннотация. Комплексное исследование кремневых материалов торфяниковой стоянки Старые Войковичи 1 включает технологический, трасологический и планиграфический анализ кремневых изделий. Для трасологического изучения были отобраны все изделия с ретушью, типологически оформленные орудия, пластины и их фрагменты. Соотношение данных типологического и трасологического анализа показывает, что с помощью трасологии мы можем получить почти в пять раз большее количество орудий и более полную картину хозяйственной деятельности на стоянке. На план раскопа 2004-2005 гг. были нанесены все орудия, выделенные с помощью трасологического анализа. Основное количество орудий сконцентрировано в раскопе 2004 г. в нескольких квадратах, расположенных в виде вытянутого пятна. Это дало возможность предположить, что в этом месте было жилое пространство стоянки. Еще два пятна концентрации орудий можно связать с производственными местами на площади стоянки. Таким образом, можно констатировать, что трасологическое исследование материалов археологических памятников каменного века позволяют уточнить хронологическую принадлежность последних по набору хозяйственного комплекса и определить хозяйственный тип памятника и предположить местонахождение жилого пространства. Стоянка Старые Войковичи 1 может быть определена как сезонный охотничий лагерь финального мезолита и перехода к раннему неолиту.

Ключевые слова. Археология; неолит; комплексное исследование; трасологический анализ; реконструкция хозяйственной деятельности; кремневая индустрия.